

ФИЛОЛОГИЯ

Ли Сяотао
Е. В. Никкарева

УДК 821.161.1-93
<https://orcid.org/0000-0002-8533-3431>
<https://orcid.org/0000-0003-0014-1404>

«Вот когда я взрослым стану...»:

эволюция ментальной модели будущего в поэзии для детей

Для цитирования: Ли Сяотао, Никкарева Е. В. «Вот когда я взрослым стану...»: эволюция ментальной модели будущего в поэзии для детей // Мир русско-говорящих стран. 2020. № 1 (3). С. 47-57. DOI 10.20323/2658-7866-2020-1-3-47-57

В статье рассматривается на материале поэзии для детей XVIII–XXI в. инварианты ментальной модели будущего, стадийно отражающей функционально-целевые установки детской литературы и шире – изменение объема понятия «социализация». Выделяются следующие вариации микрсюжета «когда я стану взрослым...»: я – носитель определенных нравственных представлений; я – представитель определенной профессии; я – носитель неких устойчивых внешних черт и атрибутов; я – носитель определенных умений и навыков; я – представитель определенной культуры (этноса, субкультуры) и др.

Ключевые слова: ментальная модель; социализация; будущее; фольклор; М. Клокова; В. Маяковский; А. Введенский; Саша Бест; В. Приходько; В. Лунин; А. Барто; Э. Мошковская.

PHILOLOGY

Li Xiaotao, E. V. Nikkareva

"When I become a grown-up...":

the evolution of a mental model of the future in children's poetry

On the material of poetry for children of XVIII-XX century the article gives a mental model of the future which reflects functionally aimed tasks of children's literature and then – the changing of the notion "socialization". The following variations of the microplot are underlined: "when I become a grown-up...": I am a bearer of specific moral views, I am a bearer of a definite profession, I am a bearer of external traits and attributes, I am a bearer of some skills, I am a bearer of some culture (ethnos, subculture).

Keywords: mental model, sociolization, future, folklore, M. Klokova, V. Majakovsky, A. Vvedensky, Sasha Best, V. Prichodko, V. Lunin, A. Barto, E. Moshkovskaya.

© Ли Сяотао, Никкарева Е. В., 2020

Литература для детей, реализуя воспитательную функцию, одной из своих задач ставит социализацию ребенка-читателя. Социализацией называется «процесс становления личности, обучения и усвоения индивидом ценностей, норм, установок, образцов поведения, присущих данному обществу, социальной общности, группе» [Химанен, 2002, с. 319], «процесс, посредством которого индивидом усваиваются нормы его группы таким образом, что через формирование собственного «Я» проявляется уникальность данного индивида как личности» [Фролов]. Как отмечает Е. А. Кириллова, социализация выполняет в обществе три основных задачи:

1) интегрирует индивида в общество, а также в различные типы социальных общностей через усвоение им элементов культуры, норм и ценностей;

2) способствует взаимодействию людей вследствие принятия ими социальных ролей;

3) охраняет общество, производит и передает культуру поколений через убеждения и показ соответствующих образцов поведения [Кириллова].

М. А. Литовская рассматривает процесс социализации посредством чтения: «Социализация, – по определению М. А. Литовской, – состоит в усвоении принятых в данном конкретно-историческом типе общества интерпретационных стереотипов» [Литовская, 2010, с. 32]. При этом литература для детей

призвана не только фиксировать изменение представлений о нормах, ценностях, социальных ролях, поведенческих моделях, существующих в обществе, но и формировать у ребенка устойчивый образ «идеального» члена общества, который может быть определен как ментальная модель – особая форма эмпирических обобщений, отражающая представления субъекта о ситуации взаимодействия в целом, включающая в себя представление о себе как субъекте (в том числе представления об арсенале средств преобразования), объекте, контексте взаимодействия [Борков].

Начиная с XVIII в., в литературе для детей находит отражение ментальная модель будущего, которая исторически изменчива и стадийно отражает функционально-целевые установки воспитания в данном обществе.

Материалом нашего исследования стали стихотворения XVIII–XXI вв., в которых разрабатывается микросюжет «когда я стану взрослым...».

«Спитко подоле, выростёшь поболе...»: ментальная модель будущего в фольклоре

Для русского фольклора ребенок как субъект речи не характерен, но он является традиционным «героем» так называемого детского фольклора, к которому относят пестушки, потешки, колыбельные и т. д. Будущее ребенка типизировано и обусловлено его гендерной принадлежностью и тем сословием, к

которому он принадлежит. Прогностическая функция детского фольклора может быть в полной мере реализована в жанре колыбельной песни, ритуально-магической доминантой которой является функциональная установка – «как спою, так и будет» [Головин, 2000, с. 293], что сближает колыбельную с заговором. Данная установка является определяющей для текстовой структуры назидательных, дидактических колыбельных и колыбельных наставления, в которых, как пишет В. В. Головин «акцент сделан не на описании идеального образца поведения или вытекающего из него желаемого для ребенка будущего, а на мотиве жизненного пути» [Головин, 2000, с. 321]. Исследователь указывает, что в схеме нанизывания мотивов колыбельной песни формула сна-роста («Будешь спать по ночам, Будешь рость по часам») предшествует мотиву благополучного будущего («Будешь в золоте ходить, Чисто серебро носить»). Так, в колыбельной песне «О лю-лю, мое дитятко...» представлено желаемое будущее ребенка:

*Спи-тко подоле, выростёшь поболе.
Вырастешь велик – станут девушки любить,
Станут девушки любить, станут
молoduшки хвалить.
Станешь в школу ходить, станешь
книжки учить.
Выучишьсѣ в книге, станет ба-
тюшка женить,
Станешь свататься к невестам,
станешь слыть женихом
[О лю-лю, мое дитятко...].*

Для детского фольклора характерно преобразование реальности, одним из способов которого является «поэтическая идеализация привычных предметов <...> При этом и сам «герой» меняет свой облик: крестьянский младенец превращается в богатого, ему уготовано счастливое будущее, его окружают “мамушки” и “нянюшки”. Поэтизация обыденного может происходить и без перевода в иной социальный статус» [Путилова, 2013, с. 6].

В. В. Головин приходит к выводу, что колыбельная песня прогнозирует идеальный образ человека-крестьянина: живущего в достатке, умелого работника, семейного, боголюбивого, будущего кормильца родителей.

Таким образом, ментальная модель будущего ребенка, представленная в русском фольклоре, может быть сформулирована как «я – типичный представитель своего рода (шире, сословия, народа)».

**«Предвижу, каковы нам
следуют потомки...»: ментальная
модель будущего
в дореволюционной поэзии**

В классицистической традиции XVIII в. будущее ребенка по-прежнему моделирует взрослый, облекая свое представление об идеальном представителе общества в форму наставления (наказа). Эта традиция восходит к такому жанру древнерусской литературы, как поучение. Так, в «Виршевом Домострое» находим анонимный фрагмент «Наказание некоего отца к

«Вот когда я взрослым стану...»:

эволюция ментальной модели будущего в поэзии для детей

сыну своему, дабы он подвизался о добрых делах выну» [<Из «Виршевого Домостроя»>]. Наставления построены по двум основным моделям: «если..., то...» («аще / аще ли... таковый...»), указывающей собственно на поучение, и «да будет...», актуализирующей речевой жанр пожелания. Наставление отца восходит к добродетелям и христианским заповедям, на соблюдении которых и основана православная нравственность. Чаще всего в тексте происходит конкретизация нравственного понятия в поступок: отец формулирует для сына правила поведения. В тексте актуализированы такие добродетели, как:

- целомудрие («Да будет тебе душевная и телесная чистота...»), с которой связано представление о необходимости иметь свою позицию: «И не ходити бы тебе по чужим забралом, / Промышляти бы тебе душевным своим ралом...; И во уме своем твердо и непоколебиму бытии...»;

- смирение («И довольну бытии своими оброки...»);

- вера и связанные с ней правила поведения в церкви («И всегда бы тебе до церкви Господни приходати / И божественная словеса благоумне внимати, / И во время святого пения молчати, / И царство небесное во уме своем помышляти, / И до конца бы церковного пения не исходити...»);

- Запрет на пустословие и сквернословие («И никогда же бы

тебе пустотных словес говорити, / И уст своих и языка таковым глаголением не осквернити...») и связанное с этими двумя заповедями, относящимися к речи, требование вежливости, в которой выражается любовь к ближнему («И перед добрыми людьми вежливо говорити...»; «...Добро убо и похвално пред добрыми людьми...»);

- Заповедь: «Не судите, да не судимы будете, ибо каким судом судите, таким будете судимы; и какою мерою мерите, такую и вам будут мерить» (*Матф. 7:1-2*) также находит отражение в речи («А слепа и хрома и всякого никого не укорити...»);

- Заповедь: «Почитай отца твоего и мать твою, как повелел тебе Господь, Бог твой, чтобы продлились дни твои, и чтобы хорошо тебе было на той земле, которую Господь, Бог твой, дает тебе» (*Второзаконие 5:16*), конкретизированная в послушании («Аще кто отца своего и мать слушает, / Таковый аки седмицелен хлеб вкушает...») и поминовении усопших родителей («И ты мене, грешнаго отца своего, не забуди / И часто ко гробу моему приходити готов буди...»).

Образ «сердечных скрижалей» отсылает нас к десяти ветхозаветным заповедям, которые Моисей получил на горе Синай. Таким образом, наставления отца приобретают характер нерушимых заповедей, а ментальная модель будущего реализуется через образ благочестивого хри-

стианина, усвоившего при этом нормы поведения в обществе.

Ментальная модель будущего, реализованная в дореволюционной литературе, прежде всего связана с нравственным обликом человека, но эволюция представлений о нравственности и добродетели в литературе XVIII–XIX вв. приводит к смещению акцентов в ментальной модели идеального взрослого этого времени.

Так, ментальная модель будущего ребенка XVIII в. может быть сформулирована как «я – просвещенный потомок». К средневековым представлениям о добродетелях добавляется еще и приобретающее статус добродетели учение. Вместе с тем в стихотворениях поэтов XVIII в. наставление сменяется предостережением, и представление о добродетели формируется от противоположного, как указание на пороки. Так, Я. Б. Княжнин в «Послании к российским питомцам свободных художеств» говорит:

*Талант единый слаб к свершению
пути,
Когда не озарен пространством
просвещеньем,
Гордясь одним собой, гнушаяся
ученьем
И самолюбием навеки ослеплен,
Он в дикости своей пребудет
укреплен...*

[Княжнин, 2013].

Такой смертный грех, как гордыня, в данном случае страшен не сам по себе, а как причина «дикости», и развитие единой словесной темы можно наблюдать на протя-

жении всего послания (Без просвещения напрасно все старанье...»; «Художник без наук ремесленнику равен...»). Гордыня выражается также в стремлении к чинам, и Княжнин также выступает против такой формы общественного признания творцов, в финале послания формулируя свою позицию: «Но духом кто велик – велик и без чинов...». К тому же выводу приходит и М. Н. Муравьев в «Оде седьмой»:

*Тщетна вся храбрость без науки
И без величия души
Исправи ум, настави руки
И лишню буйность потуши...*

[Муравьев, 2013]

В поэзии сентименталистов и романтиков добродетель вновь оказывается понятием сугубо нравственным и формулируется как «добродетель душевная».

Независимо от субъекта повествования прогностическая функция выражается косвенно – в речи и поступках ребенка. Так, слова детской молитвы, или искренние слезы мальчика, обидевшего сестренку, заставляют читателя предположить, что если ребенок уже в детстве проявляет себя как добродетельный христианин, то таковым он и вырастет. А ребенок, проявляющий рвение в учении, вырастет просвещенным гражданином. Вместе с тем уже в этих текстах присутствует мотив «пользы обществу», который будет превалировать в постреволюционной литературе.

«Вот когда я взрослым стану...»:

эволюция ментальной модели будущего в поэзии для детей

**«Когда я вырасту большой...»:
ментальная модель будущего
в поэзии 1920–1930 гг.**

Изменившееся отношение к детям, когда, как формулирует Б. Шатилов, «они «смена», так они и сами на себя смотрят и делают то же дело, что и взрослые» [Шатилов, 1929, с. 4], приводит к тому, что ребенок становится полноправным субъектом речи, и соответственно к изменению ментальной модели будущего. Как отмечает Е. О. Путилова, для детской поэзии этого периода «...определяющим стал поворот поэзии к современности – в непосредственном, открыто общественном смысле» [Путилова, 2013, с. 41]. При этом, в поэзии этого периода можно выявить последовательное формирование и трансформацию ментальной модели будущего.

Так, в стихотворениях М. П. Клоковой из цикла «Бубенцы» (1924) «Лепешка» и «Рабочий», персонажи которых, по замечанию Е. О. Путиловой: «...дети своего времени, чаще всего голодные и оборванные. Жизнь их связана с базаром, с его теснотой, грязью, шумом, толкучкой» [Путилова, 2013, с. 36], – дети в первую очередь ощущают себя «сменой» для своих родителей. Так, случайный собеседник девочки Катюши – дошколенок Сережка в стихотворении «Лепешка» уже знает, какую выберет профессию:

*Вырасту, мастером буду,
Гвоздей наберу в карман,
Топор и пилу добуду,
Выстрою аэроплан*

[Клокова, 2013а].

Интересно отметить, что освоение рабочей профессии для героя оказывается только ступенькой к достижению другой цели – построить аэроплан. Уже в этом стихотворении намечается еще одна, важная для этого периода детской литературы тема: взросление и выбор профессии тесно связаны с осуществлением мечты, а поэтому ребенок выбирает те профессии, которые овеяны романтическим ореолом. Популярность таких «профессий» как летчик, моряк, путешественник в эту эпоху объясняется еще и тем, что в детской литературе того времени формируется новая эстетика природы. М. Горький в статье «О темах» [Горький] провозгласил необходимость «власти человека над природой» посредством организованного труда социалистического общества, социалистического строительства, а также уважения к «борцам» против стихийных сил природы, творцам «второй» – рукотворной – природы [Рудова, 2013]. А такие профессии, как летчик, моряк, путешественник, были непосредственно связаны с покорением той или иной природной стихии, преодолением человеком страха перед ней.

Иная ситуация в стихотворении «Рабочий», написанном от лица шестнадцатилетнего юноши. Он также мечтает пойти по стопам отца:

*Как отец буду править станком.
Буду тоже рабочий.
Буду так же работать, как он,
Дни и ночи... –*

также связываются с романтической ситуацией странствования. Финальный вывод звучит в духе времени: «Книгу перевернув, / намотай себе на ус – / все работы хороши, Выбери / на вкус!».

Интересно, что ментальная модель будущего в этот период не имеет гендерных различий. Так, в стихотворении А. Барто «Болтунья» (1933) Лида говорит:

*А чего мне хочется?
Стать, ребята, летчицей.
Поднимусь на стратостате...
Что такое это кстати?*

[Барто, 2013]

Представление о профессии неизменно связывается в поэзии 30-х гг. с проявлением героизма, подвигом. Так, в стихотворении А. И. Введенского «Что ты любишь?» (1941), построенном в вопросно-ответной форме, герой также не определился с выбором профессии, но этот выбор для него связан непосредственно с воспитанием определенных личностных качеств:

*Кем ты будешь?
– Моряком.
Или буду
Рыбаком.
Или летчиком бесстрашным.
Или опытным стрелком.
Буду смелым человеком.
Ну а кем –
Решу потом*

[Введенский, 2013].

Как отмечает Е. О. Путилова, «в отважное, веселое путешествие собирается герой одного из последних стихотворений Введенского –

“Когда я вырасту большой”. В том огромном пути, который предстает в его воображении (леса, реки, горы, деревни, города), есть слова, оказавшиеся для самого поэта пророческими: “Плыви, челнок! Прощай, мой дом! // Не скоро я вернусь”» [Путилова, 2013, с. 45].

Таким образом, ментальная модель будущего ребенка 1920–1930-х гг. объединяет две составляющие: представление о героизме и восприятие себя как представителя определенной профессии и может быть сформулирована как «я – гражданин». Е. О. Путилова, характеризуя основные направления поэзии этого периода, отмечает: «Стихи канонизировали пионера, превращая его в носителя множества добродетелей <...> В стихах прокламировалась готовность пионера к подвигу, причем значительность идеи нередко приносилась в жертву простому здравому смыслу» [Путилова, 2013, с. 46].

Ментальная модель будущего в современной детской литературе

Все вышеперечисленные темы и мотивы аккумулируются в детской поэзии 1940-х гг. и последующих десятилетий, поэтому отметим только новые тенденции. Игровой характер поэзии для детей позволяет высветить те тематические комплексы, которые до сих пор оставались в тени главной задачи – воспитания гражданина.

1) Представление о своем будущем может быть детерминировано

текущей ситуацией и позиционируется как явление динамическое и психическое. Так, в стихотворении Э. Мошковской «Я маму мою обидел...», герой становится путешественником, уходит в тайгу, ищет руду, строит мосты через бурные реки и даже становится «главным начальником», но определяющим является его психологическое состояние в будущем, которое определяется состоянием в настоящем – ссорой с мамой: «И буду всегда печальный / И молчаливый такой...».

2) Взрослость непосредственно связана с самостоятельностью. Иллюстрацией может служить стихотворение В. Приходько «Вот когда я взрослым стану...».

3) Взрослость проявляется через восприятие оппозиции «можно – нельзя» и определение своей позиции в воспитании детей. В качестве примера можно привести противоположные по идее стихотворения А. Кушнера «Когда я буду взрослым, / Я буду очень грозным...» и В. Лунина «Когда я взрослым стану / Я все позволю сыну...».

4) Ребенок представляет себя стариком, связывая этот в возраст с абсолютной свободой и неограниченным временем на игры и развлечения.

5) Представление о будущем связано с гендерной идентификацией ребенка, а в литературе появляются девочки, которые ведут себя как мальчишки и именно с взрослением связывают возможность самостоятельно определять свою гендерную роль. Так, стихотворение поэта и детского психолога Саши Бест «Откуда берутся принцы», построенное как диалог маленькой принцессы со своей няней, заканчивается утверждением:

*Вырасту принцем, а Пуфик – конем,
Пусть нам все принцы и кони завидуют*

[Бест].

Таким образом, ментальная модель будущего в этом случае связана не только с социализацией, но с самоидентификацией ребенка и может быть сформулирована как «я – есть я».

Библиографический список

1. Барто А. Л. Болтунья // Четыре века русской поэзии детям : в 3 т. Т. 2. Санкт-Петербург : Лики России, 2013. С. 561.
2. Бест Саша Откуда берутся принцы. Режим доступа: <https://www.stihi.ru/2009/01/11/2074>. (Дата обращения: 04.04.2020).
3. Борков А. Н. Эмпирическое исследование ментальной модели лучшего собеседника у успешных и неуспешных верификаторов лжи. Режим доступа: https://lomonosov-msu.ru/archive/Lomonosov_2009/19.pdf. (Дата обращения: 04.04.2020).
4. Введенский А. И. Что ты любишь? // Четыре века русской поэзии детям : в 3 т. Т. 2. Санкт-Петербург : Лики России, 2013.
5. Головин В. В. Русская колыбельная песня в фольклоре и литературе. Аво : Avo Akademi University Press, 2000.

6. Горький М. О темах // Горький М. Собрание сочинений: в 30 т. Т. 27. С. 106.
7. <Из «Виршевого Домостроя»> // Четыре века русской поэзии детям : в 3 т. Т. 1. Санкт-Петербург : Лики России, 2013. С. 91–92.
8. Кириллова Е. А. Культурная социализация и самоидентификация личности и социальных слоев российского общества. Режим доступа: <http://stankin.ru/science/postgraduate-study-and-doctoral-studies/postgraduate-study-speciality-and-rules-of-admission-of/22.00.06>. Культурная социализация и самоидентификация личности и социальных слоев российского общества.pdf. (Дата обращения: 03.04.2020).
9. Клокова М. П. Лепешка // Четыре века русской поэзии детям : в 3 т. Т. 2. Санкт-Петербург : Лики России, 2013а. С. 162.
10. Клокова М. П. Рабочий // Четыре века русской поэзии детям : в 3 т. Т. 2. Санкт-Петербург : Лики России, 2013б. С. 162.
11. Княжнин Я. Б. Послание к российским питомцам свободных художеств // Четыре века русской поэзии детям : в 3 т. Т. 1. Санкт-Петербург : Лики России, 2013. С. 95.
12. Литовская М. А. «Время всегда хорошее»: социальная психология для современного подростка // Детская литература сегодня : сб. науч. ст. Екатеринбург : УрГПУ, 2010.
13. Муравьев М. Н. Ода седьмая // Четыре века русской поэзии детям : в 3 т. Т. 1. Санкт-Петербург : Лики России, 2013. С. 97–98.
14. «О лю-лю, мое дитятко...» // Четыре века русской поэзии детям : в 3 т. Т. 1. Санкт-Петербург : Лики России, 2013. С. 53.
15. Путилова Е. О. Поэзия 1920–1930-х годов – детям // Четыре века русской поэзии детям : в 3 т. Т. 2. Санкт-Петербург : Лики России, 2013. С. 41.
16. Рудова Л. В. Экологическое сознание советской детской литературы 1930-х гг. // «Убить Чарскую...» : парадоксы советской литературы для детей, 1920–1930-е гг. Санкт-Петербург : Алетейя, 2013. С. 152–169.
17. Фролов С. С. Словарь ключевых социологических терминов. Режим доступа: http://regionstudy.narod.ru/Region_Department/Sociology/SLOVSOC.htm. (Дата обращения: 03.04.2020).
18. Химанен П. Информационное общество и государство благосостояния: Финская модель / П. Химанен, М. Кастельс. Москва, 2002.
19. Шатилов Б. Две точки зрения на задачи детского воспитания // Книга детям. 1929. № 4/5.

Reference List

1. Barto A. L. Boltun'ja = Chatter-box // Chetyre veka russkoj poezii detjam : v 3 t. Т. 2. Sankt-Peterburg : Liki Rossii, 2013. S. 561.
2. Best, Sasha Otkuda berutsja princy = Where the princes appear from. Rezhim dostupa: <https://www.stihi.ru/2009/01/11/2074>. (Data obrashhenija: 04.04.2020).
3. Borkov A. N. Jempiricheskoe issledovanie mental'noj modeli lgushhego sobesednika u uspešnyh i neuspешnyh verifikatorov lzhi = Empirical research of a mental model of a lying interlocutor within successful and unsuccessful lie verifiers. Rezhim dostupa: https://lomonosov-msu.ru/archive/Lomonosov_2009/19.pdf. (Data obrashhenija: 04.04.2020).

4. Vvedenskij A. I. Chto ty ljubish'? = What do you love? // Chetyre veka russkoj poezii detjam : v 3 t. T. 2. Sankt-Peterburg : Liki Rossii, 2013.
5. Golovin V. V. Russkaja kolybel'naja pesnja v fol'klore i literature = A Russian lullaby in folklore and literature. Abo : Abo Akademi University Press, 2000.
6. Gor'kij M. O temah = About themes // Gor'kij M. Sobranie sochinenij: v 30 t. T. 27. S. 106.
7. <Iz «Virshevogo Domostroja»> = <"From domestic tyranny in verses"> // Chetyre veka russkoj poezii detjam : v 3 t. T. 1. Sankt-Peterburg : Liki Rossii, 2013. S. 91–92.
8. Kirillova E. A. Kul'turnaja socializacija i samoidentifikacija lichnosti i social'nyh sloev rossijskogo obshhestva = Cultural socialization and self-identification of an individuality and social layers of the Russian society. Rezhim dostupa: <http://stankin.ru/science/postgraduate-study-and-doctoral-studies/postgraduate-study-speciality-and-rules-of-admission-of/22.00.06>. Kul'turnaja socializacija i samoidentifikacija lichnosti i social'nyh sloev rossijskogo obshhestva.pdf. (Data obrashhenija: 03.04.2020).
9. Klokova M. P. Lepeshka = A cake // Chetyre veka russkoj poezii detjam : v 3 t. T. 2. Sankt-Peterburg : Liki Rossii, 2013a. S. 162.
10. Klokova M. P. Rabochij = A worker // Chetyre veka russkoj poezii detjam : v 3 t. T. 2. Sankt-Peterburg : Liki Rossii, 2013b. S. 162.
11. Knjazhnin Ja. B. Poslanie k rossijskim pitomcam svobodnyh hudozhestv = A message to the Russian free arts pets // Chetyre veka russkoj poezii detjam : v 3 t. T. 1. Sankt-Peterburg : Liki Rossii, 2013. S. 95.
12. Litovskaja M. A. «Vremja vseгда horoshee»: social'naja psihologija dlja sovremennogo podrostka = "Time is always good": social psychology for a contemporary teenager // Detskaja literatura segodnja : sb. nauch. st. Ekaterinburg : UrGPU, 2010.
13. Murav'ev M. N. Oda sed'maja = The seventh ode // Chetyre veka russkoj poezii detjam : v 3 t. T. 1. Sankt-Peterburg : Liki Rossii, 2013. S. 97–98.
14. «O lju-lju, moe ditjatko...» = "Oh lulu my baby"... // Chetyre veka russkoj poezii detjam : v 3 t. T. 1. Sankt-Peterburg : Liki Rossii, 2013. S. 53.
15. Putilova E. O. Pojezija 1920–1930-h godov – detjam = The poetry of the 1920–1930s for children // Chetyre veka russkoj poezii detjam : v 3 t. T. 2. Sankt-Peterburg : Liki Rossii, 2013. S. 41.
16. Rudova L. V. Jekologicheskoe soznanie sovetskoj detskoj literatury 1930-h gg. // «Ubit' Charskuju...» : paradoksy sovetskoj literatury dlja detej, 1920–1930-e gg. = Ecological consciousness of the Soviet children's literature of the 1930s. Sankt-Peterburg : Aletejja, 2013. S. 152–169.
17. Frolov S. S. Slovar' ključevykh sociologičeskikh terminov = Dictionary of core sociological terms. Rezhim dostupa: http://regionstudy.narod.ru/Region_Department/Sociology/SLOVSOC.htm. (Data obrashhenija: 03.04.2020).
18. Himanen P. Informacionnoe obshhestvo i gosudarstvo blagosostojanija: Finskaja model' = Information society and welfare state: Finnish model / P. Himanen, M. Kastel's. Moskva, 2002.
19. Shatilov B. Dve tochki zrenija na zadachi detskogo vospitanija = Two points of view on the tasks of children's behaviour // Kniga detjam. 1929. № 4/5.